

*Посвящается всем замечательным людям в моем
издательстве — и особенно Ким Карлтон и Майку Бзозовски.
Спасибо за вашу вдохновляющую историю любви*

Пролог

От: Клэр Донован

Получено: 9:17

Кому: Саванне Кейд

Тема: Рукопись?

Саванна, ты продвинулась в работе над книгой, о которой рассказывала мне в прошлом году на конференции? Я только что была на совещании и вспомнила о ней.

Хотелось бы посмотреть.

С наилучшими пожеланиями,

Клэр Донован,

главный редактор направления романтической прозы
«Бэйрд Букс Паблишинг»

.....

Черновик

От: Саванна Кейд

Сохранено: 9:21

Кому: Клэр Донован

Тема: Re: Рукопись?

| Дорогая миссис Донован

.....

Черновик

От: Саванна Кейд

Сохранено: 9:22

Кому: Клэр Донован

Тема: Re: Рукопись?

| Дорогая Клэр Донован

.....

Черновик

От: Саванна Кейд

Сохранено: 9:24

Кому: Клэр Донован

Тема: Re: Рукопись?

| Дорогая Клэр, большое спасибо за письмо!

| Извините, пожалуйста, что не написала сразу после

конференции, как обещала. Клянусь, я не из тех начинающих писателей, которые на конференциях выкладывают все подробности своего замысла каждому встречному, а когда редактор просит показать рукопись, им нечего отправить. Честное слово.

Просто после нашего разговора я поняла, что финальной сцене не хватает эффектного завершения, а моя героиня, Сесилия, не очень-то к себе располагает, и, когда я наконец исправила эти проблемы, рукопись получилась на двенадцать тысяч слов больше, чем положено. Весь следующий месяц я промучилась, решая, что сократить.

(Знаете, слова Кинга о том, что нужно «убить своих любимых», оказались чистой правдой — я два года без зазрения совести требовала от авторов, чтобы они кромсали свои рукописи, но никогда не понимала, насколько это ДУШЕРАЗДИРАЮЩЕ для писателя. Я полностью избавилась от одного персонажа и до сих пор его оплакиваю.)

Но я уже редактирую текст, и мне нужно прочитать его еще буквально пару раз. Простите, пожалуйста, что заставила вас ждать. Я обязательно пришлю вам рукопись максимум через две недели три недели месяц

.....

Доставлено

От: Саванна Кейд

Сохранено: 9:26

Кому: Клэр Донован

Тема: Re: Рукопись?

Дорогая Клэр, спасибо, что вспомнили про меня.

Планирую отправить вам рукопись до конца дня.

С самыми теплыми пожеланиями,

Саванна Кейд,

младший редактор «Пеннингтон Пен»

Глава 1

Стараясь не издавать ни звука, я в чрезвычайно неудобных туфлях на каблуках меряю шагами крошечное пространство в дальнем углу набитой битком переговорной между моим снисходительно посторонившимся коллегой, Клайвом, и ордой скоп, стеклянными глазами уставившихся на меня со старых обоев. Я хмурюсь на жутких трафаретных птиц, как и всегда, когда меня вызывают в переговорную «Магнолия». Миз¹ Пеннингтон делает паузу, я чувствую, что должна кивнуть вместе с остальными, и смотрю на часы. Всего три тысячи шестьсот шагов, а уже почти полдень. Резко развернувшись на тонкой шпильке, делаю более короткий и быстрый шаг по плотному красному ковру, вычеркиваю три слова в конце абзаца. Это преимущество работы редактором в издательстве более винтажном, чем комбинезоны в стиле восьмидесятых,

¹ Нейтральное обращение к женщине, используемое, когда ее семейное положение неизвестно или не имеет значения. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

которые снова входят в моду среди подростков. Здешние редакторы ходят с ручкой за ухом, постоянно таскают с собой толстые пачки бумаг и в последнюю минуту с изможденным видом вносят правки в рукописи.

Более того, в «Пеннингтоне» вы будете выглядеть подозрительно, если *не* принесете как минимум одну рукопись на те шесть совещаний, которые посетите в течение дня. Поэтому никто из собравшихся не обращает внимания на то, что я перелистываю страницы.

К тому же я ростом всего полтора метра. А один из плюсов невысокого роста в издательстве, переговорная которого — переделанная гостиная старого викторианского особняка, где половине сотрудников приходится стоять, — тот факт, что я могу спокойно выполнять сразу несколько задач у них за спинами и никто этого не заметит.

И я правда пытаюсь работать в многозадачном режиме. По крайней мере в хорошие дни, когда чувствую редкий прилив мотивации или когда моя сестра давит на меня, пока я не поддамся. Ведь я Кейд. А именно Саванна Кейд. А Кейды — порода, которую отличают неиссякаемая энергия, выдающийся энтузиазм и чуточка безумия. Нам легко удается превосходить ожидания других людей.

Пусть даже у меня... это получается не так легко.

— «Пеннингтон Паблишинг» более пятидесяти лет является краеугольным камнем рынка нон-фикшн и интеллектуальной прозы, — вцепившись в кафедру, говорит миз Пеннингтон, директор издательства. Ее глаза сверкают под стать лампочкам

в виде свечей на антикварной медной люстре в центре комнаты. — И почему? Потому что «Пеннингтон» не прогибается под давлением. Потому что «Пеннингтон» не отказывается от своих высоких стандартов ради того, чтобы набить карманы долларами. Мы в «Пеннингтоне» верим, что книги, которые мы выпускаем, — инструмент развития и совершенствования для наших читателей и для культуры в целом. В отличие от других издательств, спешащих поставить супермаркетам¹... — она сморщила нос, будто ей было трудно произнести эти слова, — ...коммерческую прозу, «Пеннингтон» неустанно выпускает только тщательно отобранные и проверенные рукописи, достойные печати. Только тщательно отобранные и проверенные рукописи, которые, по нашему мнению, необходимы этому миру.

Вычеркивая еще одно слово, я вскидываю бровь.

Мысль хорошая, но не уверена, что весь мир нуждается в недавно отредактированной мной книге «Невероятный мир слов. Гид эпистемофила».

— Вот почему, несмотря на череду прошлогодних кризисов, в нынешнем году «Пеннингтон Пабблишинг» останется флагманом, на который будут ориентироваться читатели и книготорговцы. И по этой причине я хочу, чтобы вы тепло поприветствовали нового члена нашей команды.

Дрогнувшей рукой я подчеркиваю слово в распечатке и поднимаю голову. Новый член команды?

¹ В США, наряду с продуктами и бытовыми товарами, в супермаркетах продаются и книги.

Заглянув в просвет между чьими-то локтями, я вижу миз Пеннингтон, которая держится за кафедру сильными руками и смотрит на подчиненных сверху вниз. Она прищуривает ярко-голубые глаза, будто читая наши мысли. «Скажите что-нибудь. Только посмейте».

Наконец по переговорной прокатываются аплодисменты.

Дело в том, что последние несколько лет дались «Пеннингтон Пабблишинг» нелегко. Да и многим малым издательствам, которые еще не поглотила большая пятерка¹, — тоже. Несмотря на нашу былую славу (о которой миз Пеннингтон с удовольствием напоминает всем при любом удобном случае), мы не можем тягаться со стабильными показателями более крупных и отлаженных механизмов. «Пеннингтон» — это яхта. Красивое судно «Пен Дьюик», чей владелец горделиво проводит рукой по корпусу из розового, красного, тикового или другого экзотического дерева, наблюдая за тем, как у него над головой от морского бриза развеивается белый парус. Мастерское исполнение. Никаких аналогов.

И все же это лишь подпрыгивающая на волнах точка по сравнению с идущим напролом океанским лайнером.

Вот почему все в этой приторно-зеленой комнате со скопами на стенах хлопают, как послушные пингвины в цирковом шоу. Вот почему в присутствии миз Пеннингтон Терри из бухгалтерии каждые пять секунд приглаживает свой галс-

¹ Крупнейшие издательства, контролирующие львиную долю книжного рынка США: *Penguin Random House, Hachette, HarperCollins, Macmillan* и *Simon & Schuster*.

тук с фразой «Вот и она!»¹, отсылающей к «Моби Дику»². Вот почему Лайла убирает эйрподы под стол всякий раз, когда мы слышим нетерпеливое постукивание ногтей миз Пеннингтон по двери соседней комнаты в ходе одного из ее спонтанных «визитов». Вот почему я ношу в сумочке пластыри, мучаясь в этих дьявольских, то есть «профессиональных» на вид, туфлях.

Потому что остались только мы — выжившие после великого кровопролития в «Пеннингтоне».

— Я осознаю, что за минувший календарный год мы потеряли несколько преданных сотрудников. Сокращение штата на двадцать девять процентов — это... — Длинные узкие ноздри миз Пеннингтон слегка раздуваются, и она разбивает слово на слоги: — ...Об-ре-ме-ни-тель-но. Нам всем пришлось взять на себя дополнительные обязанности. — Она повышает голос и поднимает палец. — Но именно благодаря этому мы снова вернемся на вершину под экспертным руководством мистера Пеннингтона.

Стоп.

Мистера Пеннингтона? То есть...

— Благодаря этому человеку, который десять лет проработал в одном из самых успешных издательств мира, — продолжает она, — у нас появятся свежие идеи и новые перспективы. —

¹ Традиционный клич китобоев, оповещающий о струе, которую кит выпускает из дыхания.

² Роман Германа Мелвилла о капитане Ахаве, одержимом мессией гигантскому киту и убийце китобоев Моби Дику.

Ее взгляд становится ледяным. — Он будет помогать нам выдергивать сорняки, чтобы в будущем мы расцвели. Мистер Пеннингтон, мы рады приветствовать вас в качестве заместителя директора и издателя нашего самого уважаемого импринта, «Пеннингтон Пен».

На мгновение мы все пораженно замолкаем, сидящие в первых рядах оборачиваются, а столпившиеся позади вытягивают шеи, чтобы рассмотреть мужчину, который только что сливался с толпой, а теперь выпрямился в полный рост. Позабыв о ручке, я провожу ею по бумаге, оставляя длинную черную линию.

— С-с-с-супер.

Лайла, которая сидит на широком подоконнике передо мной, закатывает глаза. На веках у нее сверкают вчерашние тени металллик.

Что характерно для многих жителей Нэшвилла, длинные светлые волосы Лайлы составляют половину ее веса, круг друзей, которые знают ее настоящее имя, с каждым годом уменьшается, и по-настоящему она оживает, как Щелкунчик, когда на часах уже ночь. Только вместо того, чтобы сражаться с крысами и водить детей по причудливой сказочной стране, она обычно сидит где-нибудь на заляпанном пивом барном стуле в центре города и надрывно поет. Лайл в Нэшвилле столько же, сколько в Нью-Йорке худых двадцатилетних официанток — вагон и маленькая тележка. Они до самого конца не теряют наивную надежду на то, что нынешняя работа, которая позволяет им покупать еду и одежду, — лишь короткая остановка на пути к свободе. И, хотя по глазам миз Пеннингтон

примерно на каждом совещании видно, как она борется с желанием вышвырнуть Лайлу с ее ноутбуком на улицу, ее обложки и идеи в области цифрового маркетинга не имеют себе равных. Серьезно. Не имеют равных. Она буквально работает на двух должностях одновременно.

— Ну, теперь хотя бы можно сказать Гарри, что дело было не в его конфликте с миз Пеннингтон из-за пробных оттисков, — бормочет Лайла достаточно громко, и несколько человек, сидящих рядом, оборачиваются. — Это всего лишь классический блат.

— Тс-с, — шипит Джина Бэнкс (шесть лет в редакции «Пеннингтон Трофи») и снова отворачивается.

Месяц назад Гарри, старый добрый Гарри, который последние двадцать два года каждый день носил на работу одинаковые сэндвичи с салатом и яйцом, получил Письмо. Никому не хочется получить Письмо. Меньше всего на свете сотрудник «Пеннингтона» хочет увидеть адресованный ему имейл, в теме которого значится: «НУЖНО ПОГОВОРИТЬ».

Я упираюсь в стену и поворачиваю обратно, и апатичный взгляд Лайлы, говорящий: «Ненавижу эти совещания», — останавливается на моей рукописи. Ее лицо тут же проясняется. Она приподнимает идеально выгнутую бровь.

— Это?..

— Я пообещала, что сдам ее сегодня, — отвечаю я.

— Да, но... здесь?

Так вот каково это — когда в ответ на *мои* действия удивленно вскидывают брови.

Всю жизнь у нас было наоборот: я следовала правилам и не нарушала границ, а Лайла любила свободу. В седьмом классе она умудрилась принести в школу свой личный дневник — ярко-розовая обложка и сердечки снаружи, секреты внутри — и на обеде бесстрашно держала его открытым, из-за чего у меня случилась паническая атака. А во время недели духа школы¹ она вместе со старшеклассниками заполнила кабинет директора Питерсона дорожными конусами, пока я стояла на стреме со стучащими коленками.

— Я должна отправить ее сегодня, — быстро повторяю я. — Мне нужно всего несколько минут, чтобы внести последние правки.

Боковым зрением я вижу, как к кафедре подходит мужчина и миз Пеннингтон пожимает ему руку.

Будто они никогда не виделись.

Будто перед ней стоит не тот единственный человек, который получил половину ее хромосом.

Я подавляю ухмылку и продолжаю мерить переговорную шагами.

Просто все знают, что три месяца назад сына миз Пеннингтон уволили из «Стерлинг Хауса». Все напряглись в тот день, когда получили рассылку «Паб Ньюз». В ней сообщалось не только сотрудникам «Пеннингтона», но и каждому авторитет-

¹ Американская традиция, которая заключается в том, что школьники каждый день одеваются в какой-либо новой тематике (например, в цвета школы). Обычно эта неделя проводится перед встречами выпускников в конце сентября — начале октября.

ному издателю, литературному агенту, киноагенту и всем имеющим отношение к книжной индустрии, вплоть до подающего надежды автора, стучащего по клавиатуре в каком-нибудь подвале, что новый шеф-редактор «Стерлинг Хауса» — Джим Эрроувуд. Любимый сын миз Пеннингтон не просто был отправлен в неоплачиваемый отпуск во время пандемии 2020-го. Его заменили.

Сына Червонной Дамы вышвырнули из Нью-Йорка, и он снова оказался здесь, в Нэшвилле.

И теперь миз Пеннингтон пыталась поправить его положение.

— Спасибо. — Уильям Пеннингтон берет за края кафедры в точности так же, как его мать. У него такая же идеальная осанка, как будто им обоим привязали палку к спине. Стоя рядом в своих безупречных серых костюмах, элегантных, умопомрачительно скучных и недоступно дорогих для большинства присутствующих, они похожи на пару пингинов. Он обводит помещение внимательным взглядом эффектных голубых глаз — таких же, как у матери. И, в точности как она, хмурится.

Он смотрит на нас как на малолетних преступников, которые пытаются выпрыгнуть из автобуса, не заплатив.

— Я Уильям Пеннингтон. Некоторые из вас, возможно, помнят меня еще ребенком.

— Малыш Уилли! — Сидящий впереди старый Берни Питерсон (тридцать четыре года в «Пеннингтон Трофи») машет ему, и Уильям коротко кивает, не улыбнувшись.

— Не буду вас надолго задерживать. Сейчас авторы уже едут к нам на конференцию, и мы все знаем, как важно максимально к этому подготовиться. Думаю, что никто не хочет повторить опыт двухлетней давности.

Я застываю.

Отлично. Просто отли-и-и-ично.

У меня сердце уходит в пятки, как и всякий раз, когда кто-то упоминает мою первую конференцию-выставку библиотечной ассоциации, сокращенно — КБА. Я поднимаю рукопись повыше, чтобы ни с кем не встречаться взглядом.

В общем, я допустила небольшую, совершенно безобидную ошибку — потеряла четыреста книг и целый набор промоматериалов автора, который прилетел на автограф-сессию с другого конца страны. Ему пришлось ставить свою подпись на кусочках бумаги для скрапбукинга, закладках, предназначенных для промо других авторов, а в один чрезвычайно неловкий момент — даже на внушительном мужском бицепсе.

На таких крупных мероприятиях нужно о многом помнить. А это нелегко, если ты проработала в компании всего две недели, ясно?

Четыре тысячи двести шагов.

Возможно, миз Пеннингтон не называла имен, убеждая себя я, отрывая взгляд от часов и переворачивая страницу. Возможно, Уильяму рассказали эту историю как бы между прочим: «Да, одна наша сотрудница, которая вообще-то оказалась весьма смышленной и незаменимой в эти трудные вре-

мена, тогда только вышла на работу и, к сожалению, не успела пройти должную подготовку, поэтому бедняжке пришлось...»

Продолжая шагать и слушая вполуха, я ищу опечатки и вопиющие ошибки. Их нет, всего несколько замечаний на десяток страниц, что лишь подогревает во мне желание убежать в свой кабинет и сейчас же отослать рукопись.

Миз Пеннингтон же не уволит меня за то, что я отойду в туалет? То есть да, технически Донна получила Письмо спустя два дня после того, как убежала в туалет из-за отравления. Но это было совпадение. Так ведь? Это наверняка было совпадение.

И сколько раз я уже редактировала свою рукопись? Двадцать пять? Пятьдесят? Сто? В любом случае у меня ощущение, что тысячу.

А если появляется такое ощущение, как я неоднократно говорила своим авторам, это означает, что рукопись готова. Наконец-то готова. Это момент истины.

Ну, ощущение или наступивший дедлайн. Смотря что произойдет раньше.

— Так что давайте постараемся не ударить в грязь лицом, — говорит Уильям Пеннингтон, когда я выполняю разворот на каблуках. Он провел меньше двадцати минут в этой должности, а уже ведет себя как точная копия своей матери: бубнит о мизерных бюджетах и о том, что намерен «сокращать» нас при малейшей ошибке.

Лизнув указательный палец, я перекидываю страницу через зажим для бумаг. Он не обычный. Из четырнадцатикаратного антикварного розового золота отлита замысловатая фигурка

воробья. Этот огромный зажим мама подарила мне по случаю первого дня на «настоящей работе». Она сама в течение двадцати лет, пока была заведующей кафедры в университете Белмонт, скрепляла им самые перспективные статьи и проекты. Ей зажим достался от моей бабушки, которая была первой женщиной-хирургом в штате и боролась с неравенством в сфере здравоохранения. А бабушке — от ее матери, которая (я до сих пор плохо знаю детали) в той или иной степени поспособствовала окончанию войны.

Ну, знаете, типичные поступки Кейдов.

И хотя я не разбиваю стеклянные потолки¹, как мои предшественницы, из уважения к наследию этого зажима я скрепляю им только самые перспективные рукописи.

И теперь его золотые крылья крепко сжимают листы, на которых распечатана моя собственная книга.

— Сегодня важный вечер, — продолжает Пеннингтон.

Я переворачиваю еще одну страницу. Я почти добралась до конца истории, и мое сердце начинает колотиться в том же ритме, в котором я хожу по переговорной.

— Те восемь авторов, которые посетят конференцию в выходные, приносят нам сорок шесть процентов от общих продаж. Потерять их доверие означает потенциально лишиться одного из четырех импринтов. Они нужны нам. Но сейчас авторы «Пеннингтона» испытывают беспокойство. Как и боль-

¹ Невидимый барьер, препятствующий продвижению той или иной группы людей в какой-либо иерархии. Чаще всего этот термин применяется по отношению к женщинам.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru